

НАУКА СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ

Совместный выпуск СО РАН и "Советской Сибири"

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДСТВО

Отец дробных шагов

Научные школы — самое ценное интеллектуальное наследство Российской академии наук. Ценное, на мой взгляд, даже элитных зерен пишущих наим более урожайных сортов. Потому что зерна «появляются»... в зернах, а научные школы плодоносят идеями, которые сплющиваются и рядом не повторяются. Это развитие многомерное, разветвляемое. Конечно, некоторые научные школы вымирают, как и элитные сорта пишущих. Селекционеры говорят: сорт расщепляется. Впрочем, его можно спасти, обогатить или привить ценными свойствами одного сорта другому.

Пут справление не в пользу научной школы. Если она умирает, то надолго или навсегда. Сначала, чаще всего, это незаметно внешне, но со временем в знаниях и идеях появляются такие очевидные проколы, которые уже нельзя не заметить. Тогда спохватываются, но — увы! — поздно. Германы потребовались десятилетия, чтобы замечать раны, нанесенные фашизмом фундаментальной науке. Разгром генетики в России, а она в буквальном и в переносном смысле обогатила весь мир, сделал возможной зеленую революцию, настолько отбросила у нас назад биологию, что мы еще до сих пор полностью «выправились» не можем.

Научные школы умирают не оттого лишь, что власть их не оценила и не поддержала. Нередко она гибнет вместе со смертью лидера. А без личности лидера долго живущей научной школы, как правило, не бывает.

Главное достоинство Сибирского отделения РАН как раз в том, что оно сохранило научные школы. Многие лидеры ушли из жизни, а научные школы остались и продолжают свое укрепление и развитие, хотя эконо-

мика и политический климат этому мало способствуют. Но школы живут, потому что остались ученики, не разрушили традиции, сохранились память, не растворились и не исчезла аура того, кто научную школу основал и высоко поднял планку исследований и требований.

Это в полной мере относится к научной школе академика Николаевича Яненко, которого немцы называли... фатером дробных шагов. То есть отцом. А когда академик Юрий Иванович Шокин приезжал в Германию, то его они называли не менее почтительно с их точки зрения — учеником фатера дробных шагов.

Их появление легко объяснялось: Яненко предложил метод, который многое объяснял, упрости и решил

сначала в математике, а потом и в других науках. Когда разные сложные задачи разделялись на простые, на дробные шаги, чтобы легче было понимать сложное.

Правда, не всем потом удаётся из простого «выбраться»

из сложного, но это уже зависит от таланта и квалификации исследователя.

Но наш разговор о научной школе Яненко вели те

ученые и ученики Николая Николаевича, которых шикоры и плодотворно пользуются наследием основателя школы. Это директор Института вычислительных технологий СО РАН академик Юрий Иванович Шокин, директор Института теоретической и прикладной механики СО РАН член-корреспондент Василий Михайлович Фомин, доктора наук Виктор Михайлович Ковеня и Леонид Борисович Чубаров, кандидат наук Алексей Владимирович Болеста.

или прежде, распространяться: «Вон стоит в очереди Герой Социалистического Труда, академик, фронтовик, ветеран войны и не может обменять билет. Обратите на него внимание».

Николай Николаевич, догадавшись, что им идет речь у билетной кассы, демонстративно отвернулся и принял читать газету. Билет все-таки ему обменяли.

Яненко был патриотически настроенный человек. Он родился в сибирской глубинке, в простой семье, начал свою трудовую биографию со скромных должностей и нигде и никогда не проявлял никакого хамства на чальственном ража.

— В молодости, — вспоминал Шокин, — я брался за все, что предлагал

Яненко. Потом, наверное, что совер-

шенно не знал то, что он предлагал.

Это в университетах, на конфликтах в трудовых коллективах Николай Николаевич реагировал отстраненно, по-своему.

Конфликт бы быстро кончился, говорил он, если бы участники его занимались конкретной задачей и с конкретными выходимы, да еще с точно обозначенными сроками, когда должно быть выпущено изделие. В этой реа-

ции он знал единственное венгерское слово — «Паша!»

Яненко организовал вместе с Борисом Григорьевичем Кузнецовым весьма своеобразный семинар для студентов. Каждый из них мог получить на нем статью на самом разном языке по тематике кафедры и должен был на семинаре сделать сообщение о том, что он в этой статье понял и узрел. Но сначала, естественно, надо было перевести статью. Ковеня, например, попалась статья на венгерском языке, а он знал единственное венгерское слово — «Паша!»

Яненко организовал вместе с Борисом Григорьевичем Кузнецовым весьма своеобразный семинар для студентов. Каждый из них мог получить на нем статью на самом разном языке по тематике кафедры и должен был на семинаре сделать сообщение о том, что он в этой статье понял и узрел. Но сначала, естественно, надо было перевести статью. Ковеня, например, попалась статья на венгерском языке, а он знал единственное венгерское слово — «Паша!»

Яненко был строгий и тщательно

продуманный порядок занятияния

хорошего студента на кафедру. Он вел

со студентами длительные собеседования, устраивал чаепития с обязательным тортом в общежитиях, ездил со

студентами копать колхозную картошку, всегда работая наравне с ними.

И это действовало, даже среди физиков, которые большинстве своем стремились в ИЯФ. Впрочем, «заманивались» не только студенты, но и инженеры из тех же обороны КБ.

Они учились в академических институтах культуры работы с новой вычислительной техникой, которой у них было гораздо больше, чем в академии.

И заслуга Николая Николаевича в том, что академическая культура широко пошла в промышленность. В

семидесяти годы она была внесена, а сейчас появилась техническая

культура в вычислительной механике, слово

своевременно сдержано. Фомин полу-

чила квартиру, а затем Яненко стал ди-

ректором института, возглавляемого сейчай

Фоминым. И так в науке часто

пересекаются судьбы: на смену учите-

лям приходят ученики.

Яненко оставались верными ему до конца жизни. Под самый его финал они гуляли с Николаем Николаевичем по Академгородку часа по три. Беседовали на самые различные темы. Однажды Яненко признался, что при посещении Кембриджса он побывал в келье Исаака Ньютона. В келье великого ученого был вместе с каким-то профессором, И. Николаевичом

Яненко оставил скромный по природе своей человек порой демонстрировал перед строгими и властными генеральными конструкторами такую смелость, даже наглость, что оторвало брови. Дальше начинилось обсуждение, накапливались факты, и смотрящий: задача-то выстраивается, проясняется. Находился путь к математическому моделированию, и в итоге подобрались к нужному решению.

Меня покажала, — продолжал свой рассказ Фомин, — обучаемость Яненко. На всех семинарах и конференциях он сидел с запиской книжечкой в руках. В памяти заселось, что он все время что-то записывал. Сейчас он представил нам, что это было

запись. А потому, что он понимал механизм через математику. Объяснение на полях, да еще физических процессов, он далко не всегда воспринимал. Но еще начинал писать уравнения, как Яненко словно светел. Ему становилось сразу все ясно. Математики видели, было его коньком еще с учителем.

Фамилия этого профессора, — улыбалась Яненко, — сохранилась в истории английской науки только потому, что он был в одной келье с Ньютона. А труды его бесследно канули, забыты. Ученый должен делиться своими знаниями с людьми. Открытым будет растет в общении. Большая наука — дело колективное.

Буквально через несколько дней

после того памятного для Виктора Михайловича разговора академик Яненко

зажег в себе очень умных и прятал их в карманах. Научные школы — самое ценное интеллектуальное наследство Российской академии наук. Ценное, на мой взгляд, даже элитных зерен пишущих наим более урожайных сортов. Потому что зерна «появляются»... в зернах, а научные школы плодоносят идеями, которые сплющиваются и рядом не повторяются. Это развитие многомерное, разветвляемое. Конечно, некоторые научные школы вымирают, как и элитные сорта пишущих. Селекционеры говорят: сорт расщепляется. Впрочем, его можно спасти, обогатить или привить ценными свойствами одного сорта другому.

Итак, в полной мере относится к научной школе академика Николаевича Яненко, которого немцы называли... фатером дробных шагов. То есть отцом. А когда академик Юрий Иванович Шокин приезжал в Германию, то его они называли не менее почтительно с их точки зрения — учеником фатера дробных шагов.

Их появление легко объяснялось: Яненко предложил метод, который многое объяснял, упрости и решил сначала в математике, а потом и в других науках. Когда

всего, это было не заметить. Тогда спохватываются, но — увы! — поздно. Германы потребовались десятилетия, чтобы замечать раны, нанесенные фашизмом фундаментальной науке. Разгром генетики в России, а она в буквальном и в переносном смысле обогатила весь мир, сделал возможной зеленую революцию, настолько отбросила у нас назад биологию, что мы еще до сих пор полностью «выправились» не можем.

Научные школы умирают не оттого лишь, что власть их не оценила и не поддержала. Нередко она гибнет

вместе со смертью лидера. А без личности лидера долго живущей научной школы, как правило, не бывает.

Главное достоинство Сибирского отделения РАН как

раз в том, что оно сохранило научные школы. Многие

лидеры ушли из жизни, а научные школы остались и продолжают свое укрепление и развитие, хотя эконо-

мика и политический климат этому мало способствуют. Но школы живут, потому что остались ученики, не разрушили традиции, сохранились память, не растворились и не исчезла аура того, кто научную школу основал и высоко поднял планку исследований и требований.

Яненко оставил скромный по природе своей человек порой демонстрировал перед строгими и властными генеральными конструкторами такую смелость, даже наглость, что оторвало брови. Дальше начинилось обсуждение, накапливались факты, и смотрящий: задача-то выстраивается, проясняется. Находился путь к математическому моделированию, и в итоге подобрались к нужному решению.

Меня покажала, — продолжал свой рассказ Фомин, — обучаемость Яненко. На всех семинарах и конференциях он сидел с запиской книжечкой в руках. В памяти заселось, что он все время что-то записывал. Сейчас он представил нам, что это было

запись. А потому, что он понимал механизм через математику. Объяснение на полях, да еще физических процессов, он далко не всегда воспринимал. Но еще начинал писать уравнения, как Яненко словно светел. Ему становилось сразу все ясно. Математики видели, было его коньком еще с учителем.

Фамилия этого профессора, — улыбалась Яненко, — сохранилась в истории английской науки только потому, что он был в одной келье с Ньютона. А труды его бесследно канули, забыты. Ученый должен делиться своими знаниями с людьми. Открытым будет растет в общении. Большая наука — дело колективное.

Буквально через несколько дней

после того памятного для Виктора Михайловича разговора академик Яненко

зажег в себе очень умных и прятал их в карманах. Научные школы — самое ценное интеллектуальное наследство Российской академии наук. Ценное, на мой взгляд, даже элитных зерен пишущих наим более урожайных сортов. Потому что зерна «появляются»... в зернах, а научные школы плодоносят идеями, которые сплющиваются и рядом не повторяются. Это развитие многомерное, разветвляемое. Конечно, некоторые научные школы вымирают, как и элитные сорта пишущих. Селекционеры говорят: сорт расщепляется. Впрочем, его можно спасти, обогатить или привить ценными свойствами одного сорта другому.

Итак,

это что?

— раздраженно спрашивал Чубаров.

Коструктору ему поясняют: «Ложка

из нашей столовой?»

— А почему с дыркой?

— уже рычит Чубаров.

Он же

всегда

спрашивает:

«Чем

заняты

мы?»

— Неужели в молодежной среде не

было горлопанов?

— Конечно, были,

— согласился Чубаров.

Всегда есть молодые, желающие доказать, что они умнее. Но

приступление

Николая Николаевича

здесь

может

быть

довольно

затруднительным.

Последнее, что

здесь

может

быть

довольно

затруднительным.

Пос